

Яник Михал

Музей Иосифа Пилсудского в Сулеювке, Варшавский университет.

Поляки – полякам – неизвестные эпизоды помощи военнопленным в России в 1914 – 1918 гг.

В период первой мировой войны ок. 150 – 200 тыс. поляков, сражающихся в рядах австро-венгерской армии оказалось в русском плену.¹ Вместе с ними в плену оказалась также, правда значительно меньшая, группа поляков из рядов германской армии. Помощь им стала одной из важнейших целей польских спасательных организаций. Данная деятельность никогда не была описана в полной мере². Настоящая работа не раскрывает вопроса исчерпывающим образом – этому препятствуют состояние сохранности источников, их разрозненность по месту нахождения и малочисленность. Это скорее попытка приблизить и определить деятельность важнейших организаций поддержки, показать проблемы, с которыми они сталкивались а также напомнить о особо важных личностях, вовлечённых в деятельность по оказанию помощи. Автором было принято решение широкого использования текстов-источников, принимая во внимание факт крайне ограниченной доступности к ним и их малоизвестности.

Положение военнопленных в России определялось Гаагской конвенцией, подписанной этим государством в 1907 году. Глава II касалась военнопленных и накладывала на страны-участницы договора обязательства применять по отношению к взятым в плен солдатам противника принципы гуманного обращения. Однако, как оказалось, ситуация стала полной неожиданностью для российского руководства, которое не было готово к принятию массово возрастающего числа пленных. В результате, условия содержания пленных с каждым месяцем становились всё хуже.

¹ Статья финансируется в пределах исследовательского гранта Национального центра науки 2011/03/N/HS3/00901.

² Ср. М. Janik, *Żołnierze armii austro-węgierskiej narodowości polskiej w rosyjskiej niewoli 1914-1918 – wybrane zagadnienia*, w: *Doświadczenia żołnierskie Wielkiej Wojny Studia i szkice z dziejów frontu wschodniego I wojny światowej*, М. Baczkowski, К. Ruszała (red.), Kraków 2016, s. 201-216.

В числе всё прибывающих пленных были также поляки. Они, конечно, были охвачены международной помощью³, однако забота о них стала одним из приоритетных заданий польских организаций поддержки и помощи, создаваемых в годы первой мировой войны. Польский комитет содействия славянским военнопленным⁴, основанный 2 декабря 1914 года, был одной из первых организаций, которые начали оказывать помощь. Комитет был автономным отделением Всероссийского попечительства о пленных-славянах, а его деятельность финансировалась государством. Организация не скрывала своей приверженности панисламистской идеологии, сосредоточиваясь на поддержке славян и служащих в германской армии французов из Альзаца и Лотарингии: „Завоёванных мечом славян (...) необходимо завоевать духовно, сделать из них приверженцев общеславянского единства.”⁵ Варшавский комитет ставил своей целью помощь пленным, как военным так и гражданским⁶, а также семьям вынужденных переселенцев. Организация имела сильные связи с аристократическими кругами; председателем стала княгиня Софья Свёнтопелк-Четвертыньская, а членами правления стали Казимеж Ольшевский (вицепредседатель) Мария Собанская, Элиза Велькопольская и ксёндз Северин Свёнтопелк-Чарторыйский. Организация действовала на территории Королевства Польского, в частности в самой Варшаве, а также помощь оказывалась в Вильнюсе, Пултуске и Козенице.⁷

До апреля 1915 года членам организации удалось собрать свыше 42 тысяч рублей, а также получить многочисленные дары в виде вещей и других предметов. И всё же, число нуждающихся в помощи было так велико, что уже в марте было объявлено о нехватке средств в кассе и складах, обращась к жителям Варшавы с просьбой о дальнейших пожертвованиях. Когда в марте 1915 г. пленные были

³ На тему организации и функционировании помощи военнопленным см. в: A. Rachamimov, *POWs and the Great War; Captivity on the Eastern Front*, Oxford, New York 2002, с. 164-171.

⁴ *Отчёт о деятельности Польского комитета содействия славянским военнопленным в Варшаве Warszawie за период с 2 декабря 1914 г. 25 февраля 1915 г.*, в: Копии и списки разных материалов (...), Национальный Институт им. Оссолинских, Вроцлав, Отделение рукописей (Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu, Dział Rękopisów (ZNO DR), номерной знак 1349/III, с.215-219; A. Kołakowski, *Opieka nad jeńcami Polakami*, [в:] *Jeńcom Polakom*, Warszawa 1918, s. 3-7.

⁵ *Всероссийского попечительства о пленных-славянах*, 1914(?), с. 2; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) фонд 5115, опись 1, дело 9, карта 7; *Opieka nad jeńcami*, „Kurjer Warszawski”, № 69, 10 марта 1915 г.; *Jeńcy Polacy w Rosji* - отчёт Л. Кобылецкого в: Ягеллонская библиотека, отдел рукописей, номерной знак. 2531/2, с.1-2.

⁶ Т.е. проживающим на территории Польского королевства и России германским и австро-венгерским подданным, интернированным после начала войны и переселённым вглубь России.

⁷ Например, „Kurjer Warszawski” № 334, 3 декабря 1914 г., сообщал о прохождении в этот день через город группы, насчитывающей 1000 пленных.

вывезены вглубь России, Комитет помогал семьям поддерживать связь с ними⁸. Конец его деятельности был вероятнее всего связан с занятием Центральными державами Польского Королевства летом 1915 года.

Гораздо более широкий объём и значение имела деятельность созданного в августе 1914г. в Петербурге Польского общества содействия жертвам войны, а также московского Польского комитета содействия жертвам войны, возглавляемый Александром Ледницким. Это были общественные организации, создаваемые по идущей снизу инициативе, которые не имели и не хотели иметь ничего общего с великодержавной политикой и пропагандой. Помощь, оказываемая соотечественникам с территорий, принадлежащих Австрии и Пруссии – так называемых *инакоподданных* вынужденно реализовалась из собственных средств – поддержка государства, предоставляемая благотворительным организациям при участии Комитета Великой княгини Татьяны предназначалась исключительно в целях помощи российским подданным.

Начиная с лета 1915 г. деятельность обеих упомянутых организаций координировалась Советом Съездов Польских организаций помощи жертвам войны. Были созданы 3 новых отдела помощи иностранноподданным: в Москве, Петрограде и Одессе. Петроградский отдел, связанный с Польским обществом содействия жертвам войны должен был взять на себя решение вопросов с центральными властями, а московский, связанный с комитетом Ледницкого, отвечал за информацию и статистические сведения⁹. Отделы разделили между собой области компетенций, отвечающие территориям деятельности американских консульств, с целью эффективного сотрудничества с ними. Это имело большое значение, в связи с тем, что американские диппредставительства оказывали помощь гражданам центральных держав. Столичное отделение взяло под свой контроль северо-восток государства и часть Урала, московское отделение занималось центральными и восточными губерниями, территориями Кавказа, Сибири и Средней Азии, а наименьшая по территории южная часть оставалась в ведении одесского отделения¹⁰.

⁸ А. Kołakowski, *Opieka nad jeńcami Polakami*, w: *Jeńcom Polakom*, Warszawa 1918, s. 3-7.

⁹ *III отчёт Польского комитета помощи жертвам войны в Москве за период с 1-го августа 1915г. до 31-го декабря 1915 года*, Москва 1916, стр. 31.

¹⁰ М. Mądzik, *Polskie Towarzystwo Pomocy Ofiarom Wojny w Rosji w latach I wojny światowej*, Lublin 2011, стр. 127.

Разделение сферы деятельности и компетенций должно было предотвратить дублирование предпринимаемых усилий, что ранее приводило к хаосу и создавало условия для недобросовестности. Имели место случаи, когда помощь, получали не те, кто в ней больше всего нуждался, а те, кто её более умело и эффективно добивался. Некоторые из них осознанно преувеличивали своё тяжёлое положение, направляя к тому же свои просьбы „всюду, куда только возможно, и в Москву, Петроград и Киев, и в Одессу и в Отдел Совета Съездов, Львовского Комитета Спасения, и в провинциальные филиалы, в Центральный Гражданский комитет, в редакции польских газет и журналов, и к разным в большей или меньшей степени влиятельным частным лицам.”¹¹

Несколько новых, действующих в меньшем масштабе организаций было создано после февральской революции. Среди них стоит упомянуть основанное в феврале 1917 года в Петербурге Общество первой помощи польских женщин. Инициатор начинания, Антонина Лесневская, одна из первых в мире женщин, обладающих дипломом магистра в области фармацевтики, основательница первой в Петербурге женской аптеки и фармацевтической школы, была также членом правления Польского общества содействия жертвам войны¹². Также Ядвига Дзюбиньская и Эльжбета Хуляницка известны своей общественной деятельностью и работой в пользу военнопленных. Источником финансирования деятельности организации были исключительно членские взносы и акции по сбору денежных пожертвований. Деятельность организации была сосредоточена в Сибири, основательницы подчёркивали, что примером им служит западная Европа, где подобные товарищества весьма распространены и создаются „не с целью исключения уже существующих польских организаций, но ради наиболее эффективного сотрудничества.”

В начале войны деятельность общественных организаций была в первую очередь направлена на помощь интернированным и беженцам. Казалось, что положение военнопленных – которое регулировалось международными правовыми актами – лучше, чем положение упомянутых групп. Со временем однако ситуация начинает изменяться. В середине 1916 года активисты отдела помощи иностранноподданным признавали, что, хотя судьба гражданских военных жертв,

¹¹ ГАРФ ф. 5111, оп. 1, д. 401, *Отчёт отдела помощи иноподданным полякам Польского комитета Комитету в Москве за период от 1-го января до до 1-го июля 1916 года, Секция военнопленных, с.6*

¹² I. Arabas, *Antonina Leśniewska*, <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/lesniewska-antonina> [доступ 05.04.2018]

далёкая от идеальной, казалась контролируемой, иначе обстояло дело с военнопленными, чьё положение „не только не улучшается, но постоянно и систематически ухудшается с ужасающей прогрессией” (подчёркнуто в оригинале.)¹³. В декабре 1917 года выводы продолжали оставаться прежними: „Деятельность Отдела в области материальной помощи гражданским пленным исходя из льгот предоставленных Временным правительством значительно сузилась, тогда как значительно расширился масштаб действий по оказанию помощи военнопленным, которые несмотря на различные льготы, предоставляемые властями, продолжают оставаться в чрезвычайно трудном положении”.¹⁴

Изменялся диапазон оказываемой помощи и предпринимаемых действий. По началу, помощь оказывалась в первую очередь военнопленным во время транспортирования их в лагеря назначения. Таким образом, в то время, когда на западных границах Польского королевства шли жестокие бои, поток пленных – главным образом из германской армии – шёл через Варшаву, которая стала важным первоначальным пунктом этапирования пленных на пути вглубь России. До весны 1915 г. члены Комитета Попечительства над пленными-славянами дежурили в варшавских больницах уяздовской и в Цитадели, куда попадали раненые, из средств комитета финансировалась покупка лекарств. Волонтеры с бело-зелёными повязками посещали размещённый на варшавской Праге пункт этапирования, где пленные ожидали отправки в следующий этап пути. Здесь их обеспечивали тёплой одеждой, обувью, бельём, мылом, полотенцами, консервами, средствами против обморожения, а также молитвенниками¹⁵. Важно было также предоставить возможность обмена австрийской и германской валюты на рубли, а также помочь в передаче сведений о личных данных пленных в Красный Крест.

Помощь, оказываемая на начальном этапе плена помогала хотя бы в некоторой мере освоиться с новой ситуацией. Многие солдаты находились в состоянии постбоевого шока, другие были истощены долгими переходами от одного этапа пути к другому. Не редки были случаи, когда пленные в результате ограбления солдатами противника на поле боя, лишались личных вещей и денег. Служащий в германской

¹³ ГАРФ ф. 5111, оп. 1, д. 401, *Отчёт отдела помощи иноподданным полякам Польского комитета в Москве за период от 1-го января до до 1-го июля 1916 года, Секция военнопленных, с.9.*

¹⁴ ГАРФ ф. 5111, оп. 1, д. 401, к. 17, *Протокол ревизии Отдела по делам иностранноподданных от 14 декабря 1917 года.*

¹⁵ *Opieka nad jeńcami*, „Kurier Warszawski” № 69, 10 марта 1915г.

армии Казимеж В. Юшак, попавший в плен под Лодзью, называл деятельность волонтеров „огромным благодеянием по отношению к большинству пленных, у которых ничего не было.”¹⁶

Деятельность Польского комитета в Москве по началу напоминала по характеру акцию по несению помощи варшавской организации. Осенью 1914 г. его членам удалось установить, что раненые поляки находятся в 20 подмосковных больницах. Отделением раненых и пленных были организованы там дежурства – весной 1915 г. дежурили 25 человек. Другие группы на железнодорожных вокзалах старались помочь пленным, массово прибывающим в город (одним майским днём через подмосковную станцию Угрешская проехало ок. 1000 одних поляков), выдавали различные пособия, раздавали одежду и книги¹⁷. Подобный пункт был размещён в Минске, в 1916 г. планировалось открытие следующего в Дарнице – крупном этапном лагере под Киевом, через который проходили военные, взятые в плен во время летнего наступления генерала Брусилова. Не малое значение для эффективной деятельности имели обширные связи председателя Комитета Александра Ледницкого, благодаря которым удалось добиться благосклонности локальных воинских властей. Председатель неоднократно лично обращался к Российским властям по делам пленных¹⁸.

Здесь стоит упомянуть о спонтанной, не связанной ни с какой организацией, помощи, которая проявилась в период оккупирования российскими войсками Галиции в 1914 і 1915 годы. Солдаты австро-венгерской армии, часто независимо от национальности, пользовались симпатией у польского населения. Они могли рассчитывать не только на мелкие, хотя и важные знаки симпатии со стороны местного населения, такие как – сигарета, глоток воды, продукты, но также и на помощь при побегах. Львовский историк, оценивая, что в городе скрывается несколько тысяч пленников, писал: „Зачастую даже с риском для жизни подкупали конвоиров и тайком выводили не одного пленного, которого потом неделями прятали, скрывая от зорких глаз »охраны«.”¹⁹ На массовость явления указывает принятие генерал-губернатором Бобринским постановления накладывающего запрет на контакты с пленными:

¹⁶ W. Juszczak, *Szlakiem jeńców z Turkiestanu do niepodległej Polski*, Poznań 1928, s. 25.

¹⁷ ГАРФ ф. 5111, оп. 1, д. 401, *Отчёт отдела помощи иноподданным полякам Польского комитета в Москве за период от 1-го января до до 1-го июля 1916 года – отчёт Секции военнопленных.*

¹⁸ A. Lednicki, *Pamiętnik 1914-1918*, Kraków 1994, s. 27-36.

¹⁹ B. Janusz, *293 dni rządów rosyjskich we Lwowie (3. IX.1914 – 22. VI.1915)*, Lwów 1915, s.224 – 225; также: S. Maciszewski, *Rosjanie we Lwowie; szkic z niedawnej przeszłości*, Lwów 1926, c. 19.

„жителям запрещается подходить близко к партии пленных, сопровождать их, вступать с ними в разговоры и непосредственно передавать им или принимать от них любые предметы.”²⁰ Следующее распоряжение предвещало наказания для войтов гмин (местных властей), на чьей территории скрывались шпионы, дезертиры или беглые австрийские или германские пленные²¹.

Для действующих в России польских организаций со временем всё более важным становилось окружение опекой пленных, находящихся в германских лагерях. Добраться до лагерей было заданием не из лёгких – пленные были разбросаны по всей России, от полярного круга до побережья Тихого океана и Центральной Азии. Организация экспедиции требовала сбора средств на длящееся много недель путешествие и помощь нуждающимся. Наконец, огромным препятствием являлась необходимость получения соответствующих разрешений от властей (так наз. „охранных грамот”) – организации жаловались, что власти препятствуют доступу в лагеря, ограничивая число выдаваемых пропусков до одного на губернию. Nowy charakter Новый вид заданий привёл к необходимости введения организационных изменений – так 1916 г. в московском комитете обязанности опеки над пленными, ранее принадлежащие отделу пленных и раненых, перешли к ячейке занимающейся иностранноподданными.

Первые поездки в лагеря пленных имели место в первой половине 1915 г.²² Так, 13 февраля 1915 г. в длящееся месяц путешествие в Туркестан отправились делегаты Комитета опеки над пленными-славянами – граф Эдвард Мычельский и Стефан Либишевский, в чьём распоряжении имелось 5000 рублей, предназначенных на помощь, как гражданским, так и военным пленным²³. Благодаря ходатайству у местных властей, на свободу вышло несколько десятков поляков – гражданских пленных, содержащихся в тюрьме в Ташкенте (в их числе был известный писатель, Фердинанд

²⁰ Ibidem, także: B. Janusz, *Dokumenty urzędowe okupacji rosyjskiej Lwowa*, postanowienie z dn. 16/29 grudnia 1914 r., Lwów 1916, s.40; *Odezwy i rozporządzenia z czasów okupacji rosyjskiej Lwowa 1914 – 1915*, Lwów 1916, s. 40.

²¹ B. Janusz, *293 dni*, s.251-252; B. Janusz, *Dokumenty urzędowe...* Postanowienie z dn. 17/30 maja 1914r., s. 44; *Odezwy i rozporządzenia...*, s. 46.

²² Стоит подчеркнуть, что пленные часто содержались в самых различных, адаптированных на скорую руку помещениях – фабриках или например, театрах, поэтому термин „лагерь” в данном случае надо понимать как некое обобщение, эллипсис. О различных формах содержания военнопленных: M. Janik, *op. cit.*

²³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) ф. 5115, о. 1, к. 3. На выбор Мычельского мог повлиять его опыт путешествий. Граф до войны совершил несколько поездок в целях охоты в Африку, посетив, например Кению.

Гётель).²⁴ В конце марта в Сибирь отправились также Мария Собанская с Яном Чарновским, которым удалось добраться до околиц Томска, Красноярска и Иркутска. Они организовали бесплатные кухни и передавали средства на их содержание, а также на приобретение белья и одежды, но прежде всего ходатайствовали о разрешении выезда пленных в европейскую часть России. Благодаря своему положению и связям в Петербурге, графиня Собанская собрала большую часть огромной суммы 250 тысяч рублей, которые предназначались на поддержку местных организаций и легко получала доступ в лагеря закрытого типа и другие места содержания пленных.²⁵

К сожалению её последователи не могли пользоваться подобными льготами – в апреле в поездку отправилась посланница Польского комитета – Эльжбета Хуляницкая, а месяцем позже в путь отправились делегаты варшавского отделения Общества содействия жертвам войны – Мария Бентковская и Ядвига Дзюбинская. Они обладали суммой в 13 тысяч рублей, предназначенной на помощь²⁶. После посещения нескольких городов в европейской части России, Мария Бентковская посетила также несколько пунктов за Уралом (в том числе Троицк, Кустанай). Все экспедиции отмечали чаще всего плохое или даже крайне плохое положение соотечественников. Сохранившиеся источники не позволяют воссоздать в деталях эти новаторские начинания, сложно даже с уверенностью установить удалось ли делегатам добраться до военнопленных или их помощь ограничилась гражданскими военными жертвами. Тем не менее, первые поездки дали возможность приобрести опыт, который будет использован в дальнейшем.

Инспекторские поездки стали одним из фундаментов акции по оказанию помощи. Так как до самой февральской революции российские власти с прекрасным результатом блокировали всякую информацию относительно условий в лагерях, инспекции были главным достоверным источником сведений на эту тему. Ознакомление на местах было необходимо по причине вопиющих в России

²⁴ *Polacy w Tukiestanie*, s. 49-50; F. Goetel, *Patrzac wstecz*, Kraków 2009.

²⁵ S. Konarski, *Maria Zofia Teodozja Sobańska z Górskich*, *Internetowy polski słownik biograficzny*, <http://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/maria-zofia-teodozja-sobanska-z-gorskich> [доступ 05.02.2018]; – предложения по награждению в собрании Центрального военного архива в Варшаве (CAW): отказ. 05.09.1933 (отказано), KW-112/2058 (акты Кшижа валечных – Креста Храбрых).

²⁶ *Отчёт о деятельности Польского общества содействия жертвам войны с 18 декабря 1914 г. до 31 декабря 1915 г.*, Варшава 1916, с. 22-23.

разногласий между законодательством и реальностью²⁷. Распоряжения правительства по предоставлению льгот для славян местная администрация повсеместно игнорировала в соответствии с русской поговоркой «царь далеко, Бог высоко». Пленные, требующие соблюдения своих прав, подвергались наказаниям со стороны руководства лагерей. Уже после войны один из пленных в своих воспоминаниях заявлял: „в России без принуждения на местах никакие распоряжения центрального правительства не войдут в жизнь.”²⁸ В случае обнаружения нарушений в лагерях благодаря объездным инспекциям можно было быстро реагировать и обращаться к соответствующим властям, что иногда приводило даже к смене лагерного руководства. Случалось, что руководство лагерей предстало перед судом. Уникальный отчёт по посещению лагерей в европейской части России летом 1916 г. – хотя автор его неизвестен – сообщает интересные подробности о поездке, посещении лагерей и условиях в них²⁹. Автор описала трудности, которые ей пришлось преодолевать при попытке посещения барачных в Гостинополье – о том, как её отправляли от одного чиновника к другому, которые отказывали ей в выдаче разрешения на посещение пленных, мотивируя отказ якобы отсутствием соответствующих компетенций. Описывая 400 км путь до Череповца вспоминает: „из-за переполненности вагона – так же, как и в предыдущую поездку – все 12 часов пути я провела, стоя на платформе вагона.” Там она посетила также приют для польских детей, о существовании которого узнала уже на месте.

На борту парохода добралась до Судбиц на реке Шексне, где группа пленных, числом ок. 200 человек возводила плотину. Условия их пребывания по её оценке оказались хорошими: пленных не перегружали работой, а по поводу владельца предприятия „высказываются почти с пиетизмом и обожанием”. Пленные регулярно получали письма и посылки, а на их нужды работали специальные сапожные и портняжные мастерские:

²⁷ Этот факт игнорируется нынешними российскими историками в работах, касающихся пленных. Их работы, написанные с использованием местных официальных источников и материалов прессы представляют плен в относительно положительном свете. Материалы попечительских организаций, сохранённые в актах австрийской цензуры показания тысяч пленных (Kriegsarchiv Wien, Armeeoberkommando und Neue Feladkten, Gemeinsames Zentralnachweisbüro des Rotes Kreuzes – КА GZNB), воспоминания пленных, всё это создаёт картину полностью противоположную. Ср.: Н.В. Суржикова *Военный плен в российской провинции (1914-1922)*, Москва 2014, с. 33-52.

²⁸ Dyboski Roman, *Siedem lat w Rosji i na Syberii*, Kraków 1922, s. 58.

²⁹ *Рассказ о поездке к военнопленным с 22 июля до 19 августа 1916 г.*, ГАРФ фонд 5115, опись 1, дело 604, с. 22.

Чистое бельё выдаётся каждые две недели, в баню ходят каждую неделю. Кормят их хорошо – хлеб у них такой вкусный, какого у нас в Петрограде и не достать, есть шесть пекарей из пленных. (...) Я ничего им не оставила. (...) Сказали, что когда здесь кончат работу и будут отправлены в другое место, тогда, возможно, обратятся к Комитету за помощью.

Рапорт подробно описывает все поочерёдно посещаемые места, обращая внимание на различия в положении пленных, содержащихся в местах заключения, находящихся сравнительно недалеко друг от друга. В Тигоде она застала „ужасающую картину”: грязные бараки, отсутствие соломы, работа с 4 утра до 9 вечера, постоянное избивание. „все плачут, как дети (...) и умоляют забрать их куда бы то ни было, лишь бы вырваться из этого ада”. В Сольцах, в свою очередь, пленные спали на голой земле, в помещениях не было печей, а крыши прохудились. Добравшись до реки Волхов, она посетила отрезанные от мира бригады, корчующие лес под будущую железнодорожную линию. Там работали „весь день почти по колено в грязи, которая никогда не просыхает”. Пленные, которые по причине болезни не были в состоянии работать, не получали никакого вознаграждения, а заработки остальных были мизерными до неприличия (2-3 рубля в месяц). За медицинской помощью, нужно было идти 12 км по очень плохой дороге. Вместо врача больных принимал фельдшер, который, как правило, отправлял их обратно на работу, утверждая, что они здоровы.³⁰

Посещение лагерей давало возможность непосредственно поставлять нуждающимся необходимые вещи и денежные средства. Это было очень важно, особенно в связи с частыми случаями пропажи вещей во время транспортировки, невыдачи пленным посылок, отправляемых им с родины, а также невыплаты пособий. К сожалению, размер потенциальной помощи обычно был неадекватен потребностям, в результате чего часто приходилось решать драматическую дилемму – кому помогать? В таких ситуациях чаще всего решающим фактором становились национальные связи – т.е. принцип „поддерживай своих”. Это приводило к острым конфликтам среди пленных и создавало ощущение дискриминации собственной группы. В сохранившемся в венском *Kriegsarchiv* австрийской цензуры можно найти множество примеров переписки, содержащих такого рода жалобы, тщательно отмечаемые цензорами. Немцы жаловались, что не получают помощи, от славянских организаций, которые отдавали предпочтение своим соотечественникам. Славяне, в свою очередь, обвиняли немцев, в том, что при принятии решений по распределению помощи, они пользуются

³⁰ Ibidem.

привилегиями у датских и шведских сотрудников Красного Креста, а также, в том, что они завладели отделами американских консульств, занимающихся решением вопросов о выплате пособий гражданским пленным³¹.

Уверенность в дискриминировании собственной группы помогала оправдывать применение принципа „поддерживай своих”. Ядвига Дзюбиньская часто обращала внимание на несправедливость по отношению к славянам, а полякам особенно, в сфере доступности для них гуманитарной помощи³². После посещения лагеря для инвалидов в Бийске, потрясённая картиной, которую там застала, пишет:

Хотелось бы всех спасти, но где взять деньги? Хорошо бы хоть своих двухсот спасти. (...) Если бы получить 4-5 тыс. рублей, можно было бы создать подходящий лагерь для поляков. Трудно думать о других³³.

Сходную позицию занимал Совет Съездов, который так отвечал на запрос иркутского отдела Польского общества содействия жертвам войны по делам опеки над беженцами: „Польские организации могут и должны опекать только тех изгнанных, которые ощущают свою принадлежность к польской нации, поскольку, принимая во внимание огромное количество работы и обязанностей, лежащих в настоящее время на плечах Организации, невозможно рассеивать силы и средства, хотя бы даже в целях самого высокого уровня гуманитарной помощи”³⁴. Необходимо всё же признать, что для пленных часто важен был сам факт посещения лагеря кем-то извне, кто оказывал им внимание и сочувствовал страданиям пребывающих в плену. Посещения позволяли вырваться из чувства глубокого одиночества и отрезанности от мира, дарили надежду:

³¹ M.in. KA GZNB, ящик 3765, res. 4578; ящик 3750 res. 4600; ящик 3754, res.4843, отчёт 183 (на немецком языке, лагерь в Тюмени 6 III 1917): „Обмундирования от Красного креста мы не получили. Всё получили поляки. Комитет разыскивает только поляков.” Польская перспектива описанная, например, в w: *О помощи для военнопленных*, „Дзенник Петроградски”, 27 октября 1917 г. (воззвание Казимеры Малаховской, делегата Первой помощи польских женщин). Большая часть приводимых в настоящей работе статей относится к собранию вырезок из прессы Центрального польского агенства в Лозанне, хранящихся в Архиве новых актов. (AAN CAP). В связи с способом описания собранных материалов, ограниченного названием газеты и датой, нет возможности предоставить полную библиографическую справку по ним.

³²Вспоминает посольство в Петербурге как „целиком занятое отлично организованными немецкими пленными.” H. Boguszewska, *Z tamtej strony*, „Kobieta Współczesna”, № 46, Варшава 11 XI 1928, с. 9-10; J. Dziubińska, *Położenie jeńców wojennych w Rosji za dawnego rządu*, Piotrogród 1917, с.45.

³³ ГАРФ ф. 5111, оп.1, д.114, л. 6. Предположительная дата: 6 декабря 1917 г. В Бийске (в настоящее время Алтайский край, Сибирь) находилась 1000 „обрванных и босых” пленных – славян, среди них 200 поляков. Больные голодали и были измождены болезнями. Не хватало тюфяков и санитарных средств. Расстроенная Дзюбиньская писала: „Лагерь для военнопленных в Бийске представляет собой невообразимый кошмар. Не могу без волнения думать о том, что увидела. Давно уже не видела ничего подобного (...) Все умоляют помочь им вернуться на родину. (...) Много энергии уходит на борьбу с властями, хотя начальник гарнизона чувствует себя виноватым и старался меня задобрить [говоря – М.Я.] что многократно обращался в округ, но безрезультатно. Обещал устроить баню. Военные власти оказывали мне всяческую поддержку, однако дополнительных средств выделить не могут.”

³⁴ РГВИА ф.15713, д.15, л.153, 26 II 1916 г.

„в этих страданиях, совсем вне жизни и вне мира, больше чем хлеб, чем материальная помощь значил зачастую голос оттуда, голос от своих, из Польши.”³⁵

Посещение лагерей стало сферой деятельности женщин. Начиная с конца 1915 г. пленных стали посещать представительницы германского, австрийского и венгерского Красного³⁶. Наибольшей славой и уважением среди пленных пользовалась шведка Эльза Брандстрем, называемая также „Ангелом Сибири”³⁷. Среди полек наиболее активными были Ядвига Дзюбинская, Эльжбета Хуляницкая и Казимира Малаховская. Первая из них станет в последствии ключевой личностью всей деятельности по оказанию помощи пленным. По словам Антонины Лесневской она была „ангелом-опекуном”, а Роман Дыбовский (профессор английского факультета Ягеллонского университета, пленного в 1914 – 1921 гг.) называл ее „ посланцем провидения”, а также „мужественной и полной самоотверженности женщиной”³⁸. Ещё до 1914 г. она проявила себя в качестве энергичной просветительской активистки. Организовывала работу школ для сельской молодежи, разрабатывала авторские программы обучения, распространяющие среди учеников идеи самообразования и кооперации³⁹. Вот как она вспоминает 1915-1918 годы:

На протяжении трёх лет – я иездила эту огромную Россию во всех направлениях, мчалась по бесконечным дорогам, зимой в санях, летом на почтовых по бескрайним пустым пространствам, ни людей, ни селения, ни хаты. (...) От одной почтовой станции к другой, из одного лагеря в другой. На станциях мне меняли лошадей – и я мчалась дальше в постоянной спешке. Надо было торопиться: я

³⁵ J. Leśniewska, *Wspomnienie z obczyzny*, „Wici”, № 9 Варшава 1937, с.2-3. Другую, интересную сторону посещения лагерей раскрывает сохранившаяся переписка из Орлова. В мае 1916 г. здешний лагерь посетили два шведа – делегаты Красного креста. Они пронесли много писем от пленных, написанных на польском языке. Лагерные условия пленные характеризовали как очень плохие. KA GZNB, box 3744, res. 4066

³⁶ G.H. Davis, *National Red Cross Societies and Prisoner of War In Russia, 1914-1918* w: „Journal of Contemporary History”, vol.28, 1993, s.31-52; R. Nachtigal, *Osmotr lagieriej wojennoplennych w Rossii siestrami miłosierdija Cienralnych Dierżaw w 1915-1917 w: Opyt mirowych wojn w istorii Rossii*, Czelabinsk 2007, s.83-94; A. Rachamimov, op. cit. s. 172-185.

³⁷ J.M. Kaplan, *The Angel of Sibiria*, <http://www.nordstjernan.com/news/sweden/6562/> [dostęp 05.05.2018] E. Brändström: *Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien – 1914–1920*, Leipzig 1927; английское издание: *Among prisoners of war in Russia & Siberia*, London 1929.

³⁸ J. Leśniewska, op. cit. 21 XII 1921 г. Р. Дыбовский писал в письме Дзюбинской: „Я, что столько раз и в стольких местах нашего земного шара, наблюдал за Вашей работой и испытал её на себе, лучше многих других могу оценить, что Вы сделали и продолжаете делать для нашей Польши и всегда кроме сердечной личной дружбы (...) буду искренне уважать и почитать Вас, как одну из самых заслуженных и отважнейших гражданок нашей РПсп.” Архив Народного движения в Варшаве, Собрание Ядвиги Дзюбинской. (ARL ZJD).

³⁹ Ядвига Дзюбинская, пароль в интернет-базе *Parlamentarzyści*: https://bs.sejm.gov.pl/F?func=find-b&request=000000375&find_code=SYS&local_base=ARS10 [доступ 1 апреля 2018 г.], ARL ZJD.

везла пленным деньги от комитета, помощь, спасение. От этого зависело удастся ли из десятков тысяч обречённых на смерть спасти хотя бы несколько сотен жизней. Поскольку гибли десятки тысяч⁴⁰.

Она продолжала посещение лагерей до 1918 г., в последующие годы принимая участие в работах по репатриации лиц польской национальности в Польшу. До конца жизни продолжала заниматься общественной деятельностью, в том числе и будучи послом в Законодательном Сейме Речи Посполитой с мандатом от Польской народной партии PSL „Wyzwolenie”.

Дзюбиньская наладила связи с организациями по оказанию помощи из Швеции и Дании, в американских представительствах ходатайствовала о учитывании поляков при разделе пособий для пленных. Многократно повторяла, что несмотря на наличие официальной программы предоставления льгот славянам, их положение зачастую является наихудшим. Неоднократно оспаривала стереотипные суждения, согласно которым условия пребывания пленных в европейской части России (главным образом это касалось именно славян) лучше, чем условия пленных, пребывающих в Сибири. Будучи многие годы активисткой, пропагандирующей идею народного провещения, призывала также пленных к самоорганизации и самопомощи. Считала, что это самый эффективный способ преодолеть опасности и тяготы плена. В правильности этого мнения дополнительно убедилась в результате наблюдения за функционированием крупных лагерей в восточной Сибири, где пребывали преимущественно немцы. Отмечала, что за полтора года при содействии американской организации YMCA немцы сумели превратить „дикие условия в лагерях для пленных в жизнь на культурном уровне.”⁴¹

В 1917 г. выступила в Петербурге с докладом на тему ситуации пленных, который имел широкий отклик. Текст доклада был издан в форме брошюры, а также опубликован во многих газетных изданиях, как польских, так и зарубежных⁴². Автор не только придавала огласке драматическую ситуацию пленных в лагерях России, но и призывала как слушателей, так и читателей к пожертвованиям в пользу пленных. В качестве примера приводила общества Австрии, Германии (где „нет ни одного дома с

⁴⁰ H. Boguszewska, *Z tamtej strony* „Kobieta Współczesna”, n. 46, Warszawa 11 XI 1928, s. 9-10.

⁴¹ J. Dziubińska, op. cit., s.43

⁴² Ibid. Работа в несколько изменённой версии, под заглавием. *Krwawym szlakiem niewoli* была опубликована также в 1920 году, когда шла подготовка к репатриации поляков из России после подписания Брестского мира. Перевод на немецкий вошёл в состав фундаментальной публикации *In Feindeshand; Die Gefangenschaft im Weltkriege in Einzeldarstellungen*, H. Weiland, L. Kern (red.), Вена 1931, содержащей несколько десятков воспоминаний и работ на тему пленных во время I мировой войны.

начала войны и поныне, где бы не шили тёплой одежды или белья для пленных”) Франции и Великобритании, в которых „каждая женщина берёт на себя обязательство взять под свою опеку хотя бы одного пленного”⁴³. Со всей страстью общественной активистки обвиняла своих оседлых в России соотечественников, что в ситуации, когда судьба пленных в большой мере зависит от способности общества к самопожертвованию, оно оказывается равнодушным – не желает слышать крика гибнущих своих самых талантливых личностей.

Идея отказа от прямой выдачи денежных пособий с предпочтением системной деятельности – поддержки активности и самоорганизации пленных, информирования их о их правах - получила широкое распространение⁴⁴. Конечно, вероятно эта мера была в некоторой степени вынужденной в связи с нехваткой средств в организации, её положения не могли также реализоваться без облегчения доступа к пленным - что стало возможным после февральской революции. Пленные стали сами входить в структуры польских организаций или основывать собственные. Большое значение имел факт отправки книг на польском языке – не только художественной или популярной литературы, но и различных пособий, профессионально-ориентированной и научной литературы. Этим занималась, среди прочих, созданная московским комитетом Культурно-просветительская комиссия, привозились – одобренные цензурой – издания из-за границы. Наконец, предпринимались попытки помощи пленным в трудоустройстве. Многих устраивали на работу у оседлых в России предпринимателей или владельцев поместий польского происхождения, оказывалась также поддержка пленным, занимающимся производственной или ремесленной деятельностью, например в виде кредитования⁴⁵. Гораздо более сложной была ситуация пленных - офицеров. В то время как в России возрастал спрос на труд ремесленников, высококвалифицированных работников или людей со знаниями в области сельского хозяйства, то офицеры, в большинстве своём выходцы из интеллигенции, не имели шансов на трудоустройство. Работу для них искали в польских организациях на

⁴³ J. Dziubińska, *Położenie...*, s. 40.

⁴⁴ *Sprawozdanie za miesiąc czerwiec 1916 r. Referatu Komisji Rewizyjnej i Zarządu komitetu Polskiego w Moskwie* GARF op. 1, d.5115.

⁴⁵ Сборник трудов, *Polacy w Turkiestanie w okresie wojny światowej*, Warszawa 1931, s. 77. Одними из наиболее значимых предпринимателей была семья Козелло-Поклевских, которые давали работу многим полякам. Ср. S. Flizak, *Spod Gorców w świat i z powrotem. Wspomnienia z lat 1881- 1956*, t.4 cz.3, s. 540 i dalej. ZNO DR, sygn. 15392/II/4.

административных должностях, многие стали работать учителями – частным образом или же в польских школах.

Ещё одним поляком принимающим активное участие в деле помощи пленным был ксёндз Тшечак Станислав - в настоящее время более известный как участник антисемитского движения во II Речи Посполитой⁴⁶. Родившийся Жешуве, доктор теологии, с 1907 г. преподаватель Католической духовной академии в Петрограде был одним из основателей Общества содействия жертвам войны в Петрограде, руководил Секцией по опеке⁴⁷. Тшечак часто использовал свои связи с петербургским дипломатическим обществом (в том числе представителем Дании, Харальдом Скавениусом и Швеции – Эдвардом Брандстремом, отцом Эльзы) и придворным, чтобы эффективно ходатайствовать по делам военнопленных⁴⁸. Священник весной 1916 г. посетил ряд лагерей, расположенных вдоль строящейся пленными мурманской железной дороги⁴⁹. Отчёт о ужасающих условиях, обнаруженных им, попал не только на столы русских чиновников, но также на страницы немецких газет. Характерно то, что ввиду отсутствия реакции со стороны российских властей, германское правительство ввело репрессии по отношению к находящимся в плену русским, на что Пербург в свою очередь ответил аналогичными мерами. Только посредничество представителей датского и шведского Красного креста позволило нормализовать ситуацию и привести к улучшению судьбы пленных⁵⁰.

Тшечак помогал также беглецам из лагерей, которые направлялись в сторону границы с Финляндией, чтобы затем пытаться добраться до нейтральной Швеции. Благодаря помощи достойных доверия поляков, удалось устроить для них в Петербурге квартиру, фальшивые документы и работу. Кроме Тшечака, похожей деятельностью в Московском округе занималась также Эльжбета Хуляницкая, внимание которой было

⁴⁶ Np. P. Smoleński, *Antysemityzm, przemilczany występek polskich kapłanów. Od kardynała Wyszyńskiego po założyciela "Tygodnika Powszechnego"*, internetowe wydanie „Gazety Wyborczej” <http://wyborcza.pl/7.75968.23243425.antysemityzm-przemilczany-wystepok-polskich-kaplanow-od-kardynala.html> [dostęp 1.04.1918.]. Интересно, что такой же неоднозначной и яркой личностью был занимающийся пленными в Италии Ян Заморский – артельный активист и народный деятель, а также во время II РП один из ведущих публицистов-радикалов Народной Демократии. M.Janik, J.Szablicka-Żak, *Nauczyciel, żołnierz, polityk..., różne oblicza Jana Zamorskiego*, w: „Gronie” nr 9 2010, s. 55-79.

⁴⁷ I. Wodzianowska, *Trzeciak Stanisław Kostka*, biogram na stronie internetowej *Polski Petersburg* <http://www.polskipetersburg.pl/hasla/trzeciak-stanislaw-kostka> [dostęp 1.04.1918]

⁴⁸ T. Kaźmierski, *Wojskowi Polacy w Rosji w czasie rewolucji (1917-1918 r.)*, Warszawa 1935, s. 81-83.

⁴⁹ Строительство мурманской железной дороги стоило жизни 25 тысячам человек, а из оставшихся в живых 45 тысяч, 32 тысячи страдали хроническими заболеваниями. E. Brändström, *Among Prisoners...* s.139.

⁵⁰ E. Brändström, *Among Prisoners...* s.140-141; T. Kaźmierski, *Wojskowi Polacy...*, s.91-94; za M. Janik, op.cit.

направлено на помощь в побегах легионистам.⁵¹ В результате своей деятельности предприимчивому священнику было запрещено заниматься правами пленных, а в мае 1917 г. (т.е. уже во время правления революционного Временного правительства) он был арестован⁵². Петербургская газета „Вечернее время” сообщала, что Тшечак интересовался делами „военными России, а все его симпатии были на стороне врагов России”, что проявлялось контактами с немцами. Именно его деятельность, по мнению газеты, привела к ухудшению положения русских пленных в германских лагерях⁵³. Благодаря солидарному заступничеству как польской прессы в России, так и лиц из дипломатических и придворных кругов, Тшечак был освобождён и продолжал свою деятельность до самого 1918 г. 19 августа священник в штаб-квартире Польского кола в Вене сообщил о ситуации в России, подчёркивая, что пленные остались без попечения, а стали объектом большевицкой пропаганды. Те, кто отказался вступить в ряды Красной гвардии, подвергались репрессиям⁵⁴. Вскоре священник отличился во время обороны Львова от украинцев, организовав поставку в осаждённый город провианта, топлива и оружия⁵⁵.

Тшечак относился к числу лиц, которые помогали использовать своё влияние в российских высокопоставленных военно-чиновничьих кругах. Такие формы помощи, хотя и не слишком заметные извне, имели огромное значение. Ходатайства направлялись на самые разные уровни – иногда они имели влияние на решения по конкретным, единичным вопросам, а иногда, пользуясь связями в самых верхах русской власти, были попытки влияния на более широкую политику в отношении польского вопроса. Нередко случалось, что помощи искали также у других соотечественников, взывая к их чувству национальной солидарности.

Возможностью совершать политические действия пользовались например, польские депутаты Думы во главе с упомянутым ранее Александром Ледницким⁵⁶. Ян

⁵¹ Elżbieta Hulanicka - MN23.12.1933 (CAW - akta Medalu Niepodległości). Хуляницкая, живущая на Украине, а затем в Москве уже до войны была активисткой Общества народного просвещения и тайной организации „Pomoc Więźniom Politycznym”(Помощь политическим заключённым). Она помогла в осуществлении побега будущему генералу Х. Минкевичу, в 1918 г. после боя под Каневом помогала скрываться Иосифу Халлеру.

⁵² Stanisław Trzeciak, OPW 1/3434, KW-127/927, (CAW - akta Odznaki Pamiątkowej Więźniów Ideowych oraz Krzyża Walecznych).

⁵³ *Aresztowanie prof. ks. Trzeciaka*, „Echo Polskie”, nr 114, 17(30) maja 1917 r., s.2.

⁵⁴ *Z doli i niedoli jeńców*, „Gazeta Wieczorna” Lwów 20 lipca 1918 r. (AAN CAP).

⁵⁵ Stanisław Trzeciak, CAW, op. cit.

⁵⁶ Письма от пленных или их семей, отправляемые Ледницкому с просьбой о помощи и другие подтверждения его деятельности по улучшению положения пленных можно найти во многих архивах и

Харусевич – председатель Польского кола, выступил в защиту солдат Польских легионов, взятых в плен русскими. Многие из них, в частности служившие в Первой бригаде, были российскими подданными, что грозило им после пленения судебным процессом и смертным приговором по обвинению в предательстве⁵⁷. 24 июня (7 июля) 1917 г. Временное правительство амнистировало легионеров, присваивая им статус обычных военнопленных. Это решение было венцом стараний предпринятых Александром Ледницким в качестве председателя Ликвидационной комиссии. В защиту легионеров были выдвинуты аргументы что, они сражались за независимость Польши, права которой были признаны Россией⁵⁸. Скрывающиеся в лагерях под фальшивыми фамилиями солдаты могли снова пользоваться своими настоящими именами и возобновить общение с близкими⁵⁹. Интересный пример связей польских активистов с представителями российских элит можно найти в двух похожих по содержанию мемориальных письмах (или их проектах), сохранившихся среди документов Общества первой помощи польских женщин⁶⁰. Один из них подписан Антониной Лесневской, а адресован выдающимся личностям российской политики, в том числе председателю Думы Михаилу Родзянко. Письма извещали адресатов о том, что вопреки ожиданиям и предоставляемым льготам, в России после февральской революции положение многих пленных ухудшилось. Лесневская обратилась с просьбой к Родзянко, чтобы он как лицо пользующееся бесспорным авторитетом, включился в деятельность по улучшению ситуации пленных, например, опубликовав открытое письмо в связи с этим делом.

Деятельность по поддержке для иностранноподданных всё время своего существования боролась с огромными трудностями. Отсутствие государственного финансирования означало постоянную нехватку средств. *Решунum remedium* Выходом из ситуации служили добровольные пожертвования получаемые от других институтов

библиотеках, в том числе: РГВИА ф. 15713, д. 33, к.33 (письмо отдела Общества помощи бедным семьям поляков по делу перевода военнопленного д-ра Збигнева Паздро, профессора Львовского политехнического университета в Казань, куда уже были переведены другие образованные пленные, чтобы они могли заниматься научным трудом в тамошнем университете. Томск 31 мая 1916 г.).

⁵⁷ M. Harusewicz, *Za carskich czasów i po wyzwoleniu; Jan Harusewicz, wspomnienia – dokumenty*, Londyn 1975, s. 154-155.

⁵⁸ *Amnestia dla Legionistów z Królestwa Polskiego*, „Ilustrowany Kurier Codzienny” 14 sierpnia 1917 r. (AAN CAP).

⁵⁹ *Amnestia dla Legionistów*, „Echo Polskie”, nr. 152, 30 VI/13 lipca 1917 r., s.1.

⁶⁰ ГАРФ, ф. 5111, оп. 1, д. 114, листы 7-12.

содействия, так, например, комитет Сенкевича Вева в 1916 г. передал Совету съездов почти 384 тыс. рублей, однако этих денег не хватило на долго⁶¹.

По причине постоянной нехватки денег, Совет съездов не был в состоянии передавать местным отделам средств необходимых для проведения спасательных мероприятий. Отправляемые ими просьбы часто оставались без ответа. Это вызывало чувство безнадежности и приводило к возникновению конфликтов между отделениями. Осенью 1916 г. пензенский отдел с тревогой извещал Совет съездов о ситуации в районе: Ежедневно к нам обращаются за материальной помощью военнопленные – поляки, направляем их к председателю секции помощи военнопленным – госпоже Билевич-Станкевич, но и она ничем помочь не может (...) Наше отделение собственных доходов почти совсем не имеет, а из государственных средств пособий пленным выдавать мы права не имеем, вот и вынуждены быть немymi свидетелями страданий наших соотечественников ... Госпожа Станкевич неоднократно обращалась с просьбой прислать 2000 рублей, не получила ни слова в ответ. Поэтому убедительно просим Вас уважаемые Господа ответить, продолжать ли госпоже Станкевич помогать пленным или прекратить – по причине отсутствия средств⁶².

В связи с тем, что желающих заниматься бескорыстной и трудной работой было мало, организации страдали также из-за нехватки кадров, а с другой стороны российские власти всячески препятствовали доступу в лагеря, ограничивая число выдаваемых пропусков. В результате добраться до многочисленных скоплений пленных – разбросанных на огромной территории и не имеющих хороших подъездных путей. Именно поэтому оценка эффективности усилий была суровой. В конце 1916 г. вердикт был таков: „Дело помощи военнопленным находится в состоянии ещё менее удовлетворительном [чем помощь гражданским пленным– МЯ], поскольку до сих пор мы не были в состоянии создать организацию, которая охватывала бы все места их пребывания, по причине отсутствия желающих и подходящих людей с одной стороны и разрешений штаба с другой.”⁶³ Годом позже Дзюбинская признала, что дело помощи это результат „усилий нескольких десятков человек, собранных вокруг отдела при полном равнодушии остальных поляков.”⁶⁴

⁶¹ *Z Rady Zjazdów Polskich*, „Kurier Nowy”, 12 października 1916 r. (AAN CAP)

⁶² РГВИА ф.15713, д. 29, л. 181-182. Письмо пензенского отдела петроградского Общества несения помощи малоимущим семьям поляков, участвующих в войне и обнищавшему в результате войны польскому населению Совету съездов, 28 ноября 1916 г.

⁶³ *Z Rady Zjazdów Polskich*, „Kurier Nowy”, 12 października 1916 r. (AAN CAP)

⁶⁴ J. Dziubińska, *Położenie ...*, s. 45; także: *O pomoc dla jeńców wojennych*, „Dziennik Petrogradzki”, 27 października 1917 r. (odezwa Kazimiery Małachowskiej, delegatki Doraźnej Pomocy Kobiety Polskiej) (AAN CAP).

Февральская революция внесла большие перемены в положение пленных и функционирование спасательных организаций. Она была встречена с огромными надеждами. Отмена цензуры обозначала возможность публикаций в прессе – главным образом в выходящих в Москве „Echo Polskie” i „Dziennik Petrogradzki” – многочисленных воззваний и мемориалов по делам пленных, а также донесений из лагерей и писем от пленных. Это давало возможность больше узнать о находящихся в плену, сообщать польской диаспоре о трагической судьбе соотечественников из Галиции и части Польши аннексированной Пруссией а также обращаться к ней за пожертвованиями.

Улучшение положения поляков, находящихся в плену, стало также одним из важнейших созданной в марте заданий 1917 г. Ликвидационной комиссии по делам Польского королевства. На страницах „Echa Polskiego” был опубликован проект льгот, представленный российским властям, а в роли посредника выступил Александр Ледницкий, как председатель комиссии. Проект содержал следующие постулаты:

- право пленных выбирать собственных представителей в лагерях и местах трудовой деятельности с целью контактов с российским властями.
- право присутствия представителя пленных во время выдачи и отправки писем и посылок.
- право иметь в местах трудовой деятельности собственных поваров, выбираемых из пленных.
- улучшение условий врачебно-санитарного контроля при участии пленных-врачей.
- соблюдение русскими принятых постановлений, регулирующих трудовую деятельность пленных.
- напоминание курирующим органам о необходимости гуманитарного обращения с пленными, „не позволительными считать оскорбления, нанесение ударов и другие подобные виды физического насилия.”⁶⁵ В большой степени они скорее являлись реакцией на повсеместные злоупотребления и несоблюдение законов российскими органами власти. Именно так следует понимать, например, третий пункт. Практика показывала, что лагерные кухни, подведомственные лагерным властям, давали множество возможностей для

⁶⁵ *W sprawie jeńców wojennych* По вопросу военнопленных, „Echo Polskie” 28 марта/10 апреля 1917г., №75.

лёгкого обогащения за счёт пленных путём завышения цен продуктов продаваемых в буфетах и использования, для приготовления пищи самых дешёвых и низкокачественных продуктов. В результате, взятие пленными дела питания в свои руки, приводило к улучшению питания и снижению его себестоимости.

30 июня Временное правительство наконец объявило о льготах, которых ждали очень долго. Они касались пленнх чешской национальности и южных славян. Основой для новых правовых норм стало представленное выше предложение, четыре первых постулата которого открывали список новых прав. Следующие пункты касались:

- права совершать покупки и прогулки вне лагерей под соответствующим надзором.
- разрешения на получение пленными разрешённых в России книг и прессы на польском языке, а также организация библиотек
- права вести переписку на польском языке как с общественными организациями, так и частными лицами, в том числе с другими пленными пребывающими на территории России.
- права участия в богослужениях и посещения лагерей духовенством.
- права пленнх объединяться в организации самопомощи.
- разрешения на проживание вне лагеря при условии поручительства со стороны общественных организаций. Это право касалось только инвалидов и больных работающих интеллигентов, а также других категорий, *с учётом чрезвычайной мотивации.*
- представители вышеназванных катеорий имеют право работать согласно своим квалификациям, а в частности трудиться в польских организациях по оказанию помощи.
- разрешение смены места пребывания пленнх по заявлению польских организаций. Этот пункт должен был дать возможность совместного проживания братьям или близким родственникам.
- подтверждения выдачи именных разрешений (*охраннх грамот*) для членов польских организаций, планирующих посетить пленнх.
- право на вступление в брак.

Введение льгот Временным правительством было большим достижением, однако на практике оказалось, что влияние законов на действительность было довольно ограниченным. Обострение военно-политической риторики правительства Керенского и углубление экономико-бытовых проблем влияли на рост уровня ксенофобии в российском обществе. В связи с тем, что революционный хаос углубил произвол местных лагерных и армейских властей, положение пленных в ещё большей степени, чем прежде, зависело от условий на местах, а не от законов, вводимых на центральном уровне. Поэтому картина того времени очень сложна – во многих местах пленные пользовались улучшением условий, или же, всё более массово, – пользуясь ослаблением дисциплины лагерной охраны – решались на побег из лагеря (некоторые из них планировали возвращение на родину, однако многие другие хотели просто вырваться из лагеря и „переждать” беспокойное время на территории России)⁶⁶. С другой стороны, газеты со своих страниц сообщали о многочисленных случаях вводимых на местах обострений и притеснений в отношении пленных, с тревогой указывая на то, что смена правления в России привела к ухудшению положения пленных: „Революция, на которую возлагали такие надежды, не только улучшила нашего положения, но скорее привела к его ухудшению.”⁶⁷

Характерные примеры приведены в отчёте Казимеры Малаховской, сообщавшей в январе 1918 г. о многочисленных случаях жестокой эксплуатации труда пленных на лесоповалах и шахтах в северном районе пермской губернии. Пленных подвергали физическим наказаниям, истощённых заставляли работать по 12 часов на 40 градусном морозе. На смену гражданской охране пришли солдаты, которые ранее сами находились в плену у центральных держав и жаждали отомстить пленным за свои обиды. Даже увещевания рабочих и солдатских делегатов не были в состоянии укротить садизм охранников. Один из них в беседе с делегаткой, якобы сказал, что „никогда не признает власть людей, которые погубили и опозорили Россию”⁶⁸. К тому же, пленные уже три месяца не получали жалованья, голодали.

Большевистский переворот принес новую надежду. Уже в начале декабря декретом Совета народных комиссаров все пленные были объявлены свободными гражданами. В то же время, большевистская пресса призывала их поддержать

⁶⁶ Больше о факторах влияющих на цели побегов пленных: M. Janik, op. cit.

⁶⁷ *Z Wydziału Centralnego Opieki nad Polakami Jeńcami*, „Dziennik Polski”, 5 lipca 1917 r. (skarga jeńców z Kiereńska), także: *Los jeńców Polaków*, „Dziennik Polski”, 23 czerwca 1917 r. (list z Ust-Kamiennogorska); *List otwarty do ministra Kiereńskiego*, „Dziennik Polski”, 27 czerwca 1917 r. (skarga z Bełchowa) i inne.

⁶⁸ *Z martyrologii jeńców*, „Dziennik Polski” (Петроград), 13 января 1918 г. (AAN CAP)

социалистическую революцию и встать на защиту мира и дружбы между народами⁶⁹. Во время многочисленных политических митингов пленным сообщали о благах, какие ожидают их в результате победы социализма. В действительности, принятые законы не имели реального влияния на ситуацию пленных. Большая часть пленных пребывала вне лагерей, а другая, немногочисленная группа, продолжала оставаться в лагерях скорее по собственной воле – обеспечивая себе таким образом по крайней мере кров или же относительно достойную работу.⁷⁰

В сущности, изданные декреты и новая риторика по отношению к пленным были элементом своеобразной „войны за души”, которую большевистское правительство вело с целью расширить свою общественную базу – и военную мощь. Интенсивная агитация, которой подвергались пленные, должна была убедить их вступать в ряды революционной Красной гвардии – и действительно, до апреля 1918 г. удалось завербовать 18 – 50 тыс. пленных (главным образом немцев и венгров), в некоторых подразделениях они даже численно превышали коренное население. Другой целью пропагандистской деятельности была подготовка пленных в качестве кадров или своеобразных „рассадников” революции уже после возвращения их в свои страны⁷¹. „Дзенник Народовы”, сообщая о ходе московского съезда военнопленных – интернационалистов, приводил содержание принятых резолюций, подчёркивающих, что „целью чешского и словацкого пролетариата является подготовиться к революции на Западе и к борьбе с парламентаризмом и буржуазией.”⁷²

Как в действительности выглядели новые революционные порядки можно узнать из примеров, которые приводит пресса того времени. В апреле 1918 г. „Эхо польске” опубликовало письмо из Томска драматического содержания, а августовский „Глос Народу” опубликовал подобный рассказ офицера, сбежавшего из лагеря в Омске⁷³. В первом из упомянутых мест, власть в лагере взял в свои руки солдатский революционный комитет, вместо прежнего, в состав которого входили офицеры,

⁶⁹ A. Krammer, *Soviet propaganda among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917-1921*, в: S. R. Williamson, P. Pastor, *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*, New York 1983, стр. 239-264; А.Н. Талапин, *Советская политика в отношении иностранных военнопленных*, „Вестник Омского Университета” № 3, Омск 2005, стр. 58 – 60.

⁷⁰ *Jeńcy wojenni we wschodniej Syberii*, „Głos Narodu” 14апреля 1918 г. (AAN CAP), *Polacy w Turkiestanie...*, s.76.

⁷¹ A. Krammer, op. cit. По мнению автора 60 % интернациональных подразделений составляли венгры, 30% – австровенгерские немцы, остальные 10% – лица других национальностей.

⁷² *Sprawa jeńców wojennych*, „Dziennik Narodowy”, 24 апреля 1918 г. (AAN CAP)

⁷³ *Z dokumentów chwili*, „Echo Polskie”, nr 65, 12 kwietnia 1918 r.; *Obóz jeńców w Omsku*, „Głos Narodu”, 3 sierpnia 1918 r. (AAN CAP)

представители всех национальностей, пребывающих в лагере. Те, кто вступил в ряды Красной гвардии, получили высокое жалование, права и привелегии. В обоих сообщениях подчёркивалось, что самыми восприимчивыми к пропаганде оказались немцы и венгры.:

В результате того, что к организации красная гвардия присоединились в Омске несколько тысяч австрийских и германских солдат, а отметить нужно, что связались с большевиками главным образом венгры, австрийские немцы и немцы „Reichsdeutschen”, из славян очень мало, а из поляков почти никто – горсточка, остающихся в плену подвергалась всяческим притеснениям со стороны большевиков.⁷⁴

Начались преследования лиц, скептически относящихся к новым порядкам, особенно офицеров, запрещающих солдатам вступать в ряды Красной гвардии. Непокорных избивали, офицеров в Омске лишили денщиков и согнали в тесных бараках без окон и нар. Проводились обыски и конфискация имущества, арестованные были лишены света, топлива и пищи. Немецко- и венгерскоязычные большевистские газеты подогревали атмосферу ненависти, рекомендуя „чтобы всех офицеров »буржуев« перевешать.”⁷⁵ Некоторой помощью были тайные ссуды, предоставляемые консульством Дании в размере 75 рублей в месяц – что было в два раза ниже прожиточного минимума.

В Томске польским большевикам удалось войти в состав организации самопомощи Коло Закордонове поляков – местного филиала Польского общества содействия жертвам войны, объединяющей иностраных подданных. Они пытались подчинить организацию и добиться опубликования воззвания в поддержку идеи вступления пленных в ряды Красной гвардии. Отправитель письма сообщал:

Всем пленным, особенно полякам, работающим в Томске грозит возвращение в лагерь и мы здесь на месте без помощи Центра ничем не можем помочь. Комитет Польского общества содействия жертвам войны фактически не существует, всё взяли в свои руки изгнанные и созданный Совет Изгнанных [подчинённый себе большевистскими деятелями– МЯ]. Коло ЗП [Закордонных поляков – М.Я.] как отделение Польского общества содействия также находится в опасности ...⁷⁶

В это трагическое время пленные – как „лёгкая” цель, играющие роль козла отпущения – подвергались преследованиям с каждой стороны разгорающейся в России гражданской войны. Антони Гурчик признавал, что Белые „ и казались корректными,

⁷⁴ *Obóz jeńców w Omsku*, op. cit.

⁷⁵ *Ibidem*.

⁷⁶ *Z dokumentów...* op.cit.

на деле были ещё более кровавыми, чем большевики.” Характеризуя ситуацию в Ставрополе вспоминал: „Никогда нельзя было быть уверенным утром, кто хозяин в городе, товарищи или господа, а (...) за ошибку можно было расплатиться головой.”⁷⁷ В такой сомнительной ситуации, польские организации требовали сохранять нейтралитет по отношению к воюющим фракциям *neutralność* и терпеливо готовиться к возвращению на родину. „Echo Polskie” напоминало, что согласно международному праву пленным запрещено принимать участие „в каких бы то ни было политических или партийных акциях на чужбине, а будучи поляками и руководствуясь принципом защиты в первую очередь польских интересов, тем более должны оставаться нейтральными и глухими к любым агитациям, несмотря на их направленность и лозунги, даже при всей их кажущейся правоте.”⁷⁸

Этого было достаточно, чтобы острие революционной пропаганды обратилось против польских организаций поддержки. Польское общество содействия жертвам войны оказалось лишённым финансовых дотаций, а затем большевики перешли к захвату имущества местных филиалов, зачастую с применением оружия. В июне – за месяц до ликвидации Народным комиссариатом по делам национальностей - Главный комитет Польского общества содействия жертвам войны огласил письмо, представляющее процесс уничтожения известной и уважаемой организации:

После государственного переворота в России и в октябре 1917 г. польские организации спасения, лишённые государственных материальных средств, стали объектом преследований органов новой российской власти: в течение нескольких месяцев чужое насилие, направляемое нередко польской рукой, почти до основания разрушило то, что было возведено польскими колониями с любовью к Родине и праведным трудом. В настоящее время спасательная деятельность Общества подходит к вынужденному завершению: то, что ещё уцелело от разгрома, ликвидируется по причине полного отсутствия средств.⁷⁹

Помощь полякам, находящимся в русском плену в 1914-1918 гг. Всё ещё остаётся забытым эпизодом Великой войны. Однако, принимая во внимание масштаб самого явления, каким был плен, тема заслуживает широкой огласки и памяти. Анализируя биографии людей, занимающихся делом помощи пленным, невозможно не заметить, что это были высоко идейные личности, активные не только в описываемый период. Независимо от идейных различий между ними, от спорной оценки их действий

⁷⁷ A. Górczyk, *Wspomnienia z lat 1892 – 1939*, s.151-152, ZNO DR, sygn. 15382/II.

⁷⁸ *Do jeńców Polaków w niewoli rosyjskiej od Zarządu Towarzystwa Doraźnej Pomocy Kobiety Polskiej* w: „Echo Polskie”, 27 марта 1918 г., №.56, с.3.

⁷⁹ ГАРФ, ф. 5115, оп. 1, д. 52, листы 220-223.

в мирное время, у истоков их спасательной деятельности стояла глубоко человеческая потребность несения помощи нуждающимся, основывающаяся на чувстве национальной солидарности. Если сегодня I мировая война ассоциируется как братоубийственная война поляков, то описанная деятельность была важным – тем более жаль, что забытым – проявлением самопожертвования и солидарности между поляками разделённой на части страны.

